

**МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ В БИПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2012, 464 с.**

Подготовленный Центром по изучению “холодной войны” Института всеобщей истории (ИВИ) РАН сборник посвящен мало изученным вопросам истории международных отношений второй половины XX в. Впервые в отечественной историографии в рамках единой концепции рассмотрены формы многосторонней внешнеполитической деятельности государств и международных организаций во время “холодной войны”.

Редакционной коллегии<sup>1</sup> удалось сформировать исследовательский коллектив, объединивший специалистов ИВИ РАН, Института Европы РАН, Министерства иностранных дел (МИД) России, Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Томского государственного университета, Института славяноведения РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН.

В издании рассматривается деятельность Организации Объединенных Наций (ООН); взаимодействие государств в рамках военно-политических блоков; функционирование международных экономических организаций; международные конференции как инструмент многосторонней дипломатии; участие общественно-политических объединений в борьбе за разоружение.

Статьи И.В. Гайдука “ООН в 1950 году: от советского бойкота к Корейской войне” и С.В. Мазова “Конголезский кризис и позиция СССР в ООН. 1960 г.” посвящены многосторонней дипломатии в рамках ООН в условиях эскалации конфликтов. Работа И.В. Гайдука содержит оценки отечественных и американских историков, сопоставления полярных точек зрения и документальное обоснование новых для российской историографии выводов. Рассматриваются попытки Генерального секретаря ООН Трюгве Ли организовать диалог президента США Г. Трумэна с советским лидером И.В. Сталиным. Однако и Вашингтон, и Москва отвергли посредничество Генерального сек-

ретаря ООН (с. 22–24). Обсуждение корейской ситуации в ООН рассматривается не в рамках биполярной конфронтации, а как многосторонний процесс, в ходе которого среди союзников каждой из сверхдержав были значительные разногласия. Например, позиция Великобритании не всегда совпадала с американской, а президент Чехословакии К. Готвальд выражал сомнения по поводу целесообразности советского бойкота заседаний Совета Безопасности ООН. Автор статьи приходит к заключению, что втягивание ООН в конфликт на стороне одной из сторон существенно сузило возможности многосторонней дипломатии, однако не исчерпало ее потенциал (с. 40).

Исследование С.В. Мазова вносит уточнения как в оценки деятельности основных действующих лиц, так и в трактовку событий конголезского кризиса 1960 г. Широкое привлечение документов российских, британских и американских архивов позволило “заглянуть в еще почти не познанное закулисье” (с. 57), проследить развитие политики Н.С. Хрущева в отношении Конго, а также линию советских представителей в ООН. К достоинствам статьи следует отнести подробный разбор тактики советской дипломатии, а также международных дебатов, на фоне которых разворачивалась “африканизация” операции ООН в Конго.

Иные грани многосторонней дипломатии демонстрирует статья Г.Е. Гиголаева «Женевские конференции ООН по морскому праву и многосторонние переговоры по формированию правового режима Мирового океана в годы “холодной войны”», в которой показана специфика международного соперничества в процессе кодификации международно-правовых норм морепользования; доказываемое, что это соперничество не соответствовало привычным представлениям о советско-американском блоковом противостоянии “холодной войны”. Приводятся факты, указывающие на “разброд” на Западе (с. 51): особые цели стран Латинской Америки, сложный расклад сил в Северной Европе, британо-исландские разногласия, отказ многих союзников США по НАТО поддержать американскую точку зрения (с. 47–50). В “прак-

<sup>1</sup> Редколлегия: Н.И. Егорова (отв. ред.), И.В. Гайдук, Г.Е. Гиголаев, В.Л. Мальков.

тически монолитном” (с. 51) советском блоке также был скрытый конфликт между советской тактикой молчаливого согласия с норвежской позицией и экономическими интересами ГДР.

Авторы сборника показывают, что на различных этапах “холодной войны” многосторонняя дипломатия воплощалась в разнообразных, часто противоположных по идеологической направленности и результатам политических сценариях. Признание этого факта вносит дополнительное измерение в историю “холодной войны”: можно говорить о том, что устремления противоборствующих субъектов мировой политики далеко не всегда получали поддержку младших партнеров по коалиции. Более того, именно практика многостороннего взаимодействия зачастую подтачивала изнутри блоковое единство, прокладывая путь в направлении многополюсного мира.

Статья И.С. Иванова “Латинская Америка и США: независимость против блоковой дипломатии” раскрывает сложную внутреннюю диалектику блоковой дипломатии на примере Организации американских государств (ОАГ). Автор обращает внимание на факт, что решения Чапультепекской конференции (февраль – март 1945 г.) положили “начало американским опытам по установлению блоковой дипломатии”, которые затем были распространены на другие части мира (с. 101). И.С. Иванов подчеркивает, что состояние ОАГ никогда не было бесконфликтным. Даже на пике военно-политического единства этой организации, во время Карибского кризиса, США приходилось прилагать немалые усилия для “продавливания” своего курса. Доминирующими тенденциями многосторонней дипломатии латиноамериканских стран в 1960–1970 гг. были борьба за освобождение от американского влияния и объединение усилий для укрепления своей экономической и политической независимости и коренной перестройки панамериканской системы (с. 123). Успехи латиноамериканских государств в 1980-е годы на этих направлениях говорят о том, что утверждения о безоговорочной победе США в “холодной войне” не являются бесспорными.

Ю.А. Дубинин в статье «СЕАТО – феномен военно-политического союза на периферии “холодной войны”» проследил деятельность этого блока и рассмотрел взаимоотношения США как с западными, так и с азиатскими участниками СЕАТО, у которых понимание “смысла и содержания деятельности организации” значительно отличались от американского (с. 143). На примере лаосского кризиса 1959–1962 гг. рассмотрены разногласия между участниками союза и вскрыты причины, по которым попытка провести военную операцию

силами СЕАТО, несмотря на намерения США, не состоялась (с. 149).

Особенности блоковой дипломатии США на Ближнем Востоке раскрыты в статье В.П. Румянцева “От Багдадского пакта к СЕНТО: создание и эволюция военно-политического блока (1955–1959 гг.)”. На реализацию американского плана создания системы безопасности влияли противоречия между Вашингтоном и Лондоном (вплоть до Суэцкого кризиса 1956 г.), палестинская проблема, арабский национализм, восприятие разными участниками событий советской ближневосточной политики. Процесс создания Багдадского пакта раскрыт в контексте истории двусторонних турецко-иракских переговоров, вовлечения в блок Ирана и провала плана включения в него Египта, Иордании, Саудовской Аравии, который компенсировался присоединением к пакту Пакистана. Сравнение создания СЕНТО и СЕАТО позволило продемонстрировать, что многосторонняя дипломатия на Ближнем Востоке была более сложной, ибо она развивалась через преодоление или сглаживание противоречий между Ираком и Турцией, Ираном и Ираком. Пакистан, который вошел в СЕНТО, хотя также был членом СЕАТО, руководствовался мотивом “угрозы со стороны Индии”.

А.А. Улунян в статье “Особенности оборонной политики балканских членов Варшавского пакта (вторая половина 50-х гг. XX в.)” отмечает, что сложность ситуации была следствием изменения международного положения Югославии. В 1954 г. Югославия, наряду с Грецией и Турцией, стала членом Балканского пакта, направленного против СССР. Однако уже через несколько месяцев, в 1955 г., советское руководство инициировало сложный процесс нормализации отношений между Москвой и Белградом. Анализ последовавших вслед за этим изменений военно-стратегической ситуации на Балканах позволил уточнить многие аспекты международного положения Албании, проследить историю становления и прекращения советско-албанского сотрудничества. Другим важным вопросом была проблема возможного размещения на Балканах ракетно-ядерного оружия. Исследовав внешнеполитические приоритеты Болгарии и Румынии, А.А. Улунян привел подтверждения тому, что в отношениях между балканскими участниками Организации Варшавского Договора были и внутренние противоречия.

Эффективными площадками многосторонней дипломатии стали конференции, посвященные финансовым, торговым и экономическим вопросам, а также международные организации, созданные для регулирования мировых экономических процессов. Статья

М.А. Липкина “СССР и проблема формирования многосторонних экономических организаций в 1940-х гг.” на материалах отечественных архивов раскрывает отношение Советского Союза к формированию ключевых институтов глобальной экономической архитектуры, одобренных в Бреттон-Вудсе. Изучение аналитических и справочных материалов, которые готовились в недрах советских ведомств на случай возможного участия СССР в Международном валютном фонде (МВФ), Международном банке реконструкции и развития (МБРР), а также предполагавшейся Международной организации по торговле и занятости позволило автору прийти к заключению, что Москва вплоть до 1947 г. в целом позитивно относилась к перспективам участия и в МВФ, и в МБРР, но пыталась увязать вступление в эти организации с предоставлением США кредита и решением вопроса об окончательном расчете по ленд-лизу.

В статье И.В. Купалова “Поиски консенсуса: мировая торговая система от ГАТТ к ВТО”, рассмотрен процесс выработки единых наднациональных механизмов регулирования мировой торговли – с 1944 г. до Всемирной Торговой Организации (ВТО) на современном этапе. В статье дается характеристика основных принципов Генерального соглашения по тарифам и торговле, проанализированы многосторонние переговоры в рамках этого соглашения, приводится анализ деятельности ВТО.

В статье А.М. Филитова “Женевская конференция министров иностранных дел 1959 г. по германскому вопросу: столкновение позиций, столкновение оценок” прослежены изменения в подходах советской стороны в свете разногласий между главой МИД СССР А.А. Громыко и Первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым, в планах и поведении которого значительную роль играли личные мотивы и амбиции – желание выступить на мировой арене на равных с лидерами Запада. Позиция Громыко характеризуется как более гибкая, разумная и сбалансированная, нацеленная на поиск компромисса. В итоге, противоречия в рядах советского руководства привели к ужесточению отношения западных держав, скорому прекращению конференции и переходу от многосторонней дипломатии в формате конференций министров иностранных дел к двусторонним переговорам на высшем уровне в ходе визита Хрущева в США.

Статья “Стокгольмская конференция 1984–1986 гг. и разрядка в международных отношениях”, основанная, в первую очередь, на личных воспоминаниях автора – О.А. Гриневского, руководителя делегации СССР на конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и

разоружению в Европе, раскрывает сложность международной ситуации в преддверии открытия конференции в Стокгольме, передает перипетии многостороннего переговорного процесса, раскрывает проблемы, которые решались на конференции. Интересны наблюдения, характеризующие дипломатический стиль Громыко: при всей его внешней грозности и непримиримости он терпеливо ждал подходящего момента для достижения договоренности (с. 273). Автор считает Стокгольмский документ 1986 г. «первым шагом к окончанию “холодной войны”» (с. 292).

В исследовании В.В. Пановой «Деятельность “Группы семи” в годы “холодной войны”» показаны причины создания этого института многосторонней дипломатии и его функционирование в 1970–1980-е годы. Эволюция тематики саммитов “Группы семи”, разногласия между ее участниками соотнесены с этапами развития этой организации. В.В. Панова отмечает, что если первоначальная идея саммитов состояла в обсуждении вопросов валютного и макроэкономического характера, то в дальнейшем круг включенных в повестку дня тем заметно расширился: стали обсуждаться и политические проблемы. Утрата “врага” в лице мирового социализма, отмечает автор, негативно повлияла на дальнейшую эволюцию “семерки”, поскольку это “разрушило первоначальную идею данного механизма и подорвало его возможности по адаптации к меняющимся реалиям” (с. 319).

В статье С.В. Уткина “Система европейского политического сотрудничества в bipolarном мире” изучается возникновение в 1970 г. и дальнейшая эволюция Европейского политического сотрудничества (ЕПС) – первого организационно оформленного механизма многостороннего политического сотрудничества европейских государств, предполагавшего регулярные встречи министров иностранных дел. В рамках этого механизма предпринимались не всегда успешные попытки выработать консолидированные подходы европейских государств во внешней политике. Автор затрагивает вопрос конвергенции ЕПС и ЕЭС, которая началась в 1986 г. с подписанием Единого Европейского акта.

Дипломатические перипетии по вопросу будущего Коминформа в связи с утратой им прежней роли после прекращения антиюгославской кампании и корректировкой внешнеполитических установок СССР на XX съезде КПСС рассмотрены в статье А.С. Стыкалина “КПСС и мировое коммунистическое движение: поиски новых механизмов влияния (весна 1956 – осень 1957 гг.)”. Проследив путь, приведший к роспуску Коминформа, автор, используя ранее

неизвестные архивные данные, выявил мотивы этого решения и пришел к заключению: “Унаследованная от Сталина неэффективная система взаимодействия компартий ни в коей мере не могла удовлетворить официальную Москву, по-прежнему претендовавшую на роль центра коммунистического движения” (с. 408). Одной из попыток сформировать альтернативу этой системе стала идея проведения более широкого совещания компартий, инициатором которой явилась Коммунистическая партия Китая, ставшая главным конкурентом КПСС в коммунистическом движении. Анализ попыток реализации этой идеи представлен в отечественной историографии впервые.

Статья Н.И. Егоровой (руководитель Центра по изучению “холодной войны” ИВИ РАН) “Движение сторонников мира с середины 1950-х до начала 1960-х гг.: от кризиса к поиску новых форм” представляет собой подробный анализ истории Движения сторонников мира в общем контексте международных отношений. Движение рассматривается как проявление “народной дипломатии” – выражение многостороннего взаимодействия различных социально-политических сил Запада и Востока. Автор выделяет ключевые проблемы, находившиеся в центре деятельности Движения сторонников мира и рассматривает их эволюцию. В статье подчеркивается, что ведущую роль в развитии движения играли левые коммунистические силы, а борьба за первенство в отстаивании “идеи мира” являлась одним из элементов глобального идейно-политического соперничества СССР и США, формой “мягкой силы”, используемой советским блоком в противоборстве с Западом.

Завершает сборник статья В.Л. Малькова “Сверхдержавы и третьи страны в условиях перехода от коалиционной войны к войне “холодной”. Записки о новейшей историографии”.

Применительно к современному состоянию изучения “холодной войны” миссия историка, отмечает автор, формулируется как задача “осмысления накопленных знаний, в контексте новой познавательной ситуации, их перепроверки опытом и новыми архивными материалами... их соотнесения с наследием прошлого и запросами современности” (с. 439). Для решения этой задачи В.Л. Мальков привлекает внимание к трудам, “отмеченным новизной и концептуальной ценностью и заслуженно признанным креативными и провоцирующими”. Предметом его внимания становятся “Дневники 1952–2000 гг.” А.М. Шлезингера-младшего, “Век крайностей” Э. Хобсбаума, “Война мира” Н. Фергюсона, а также трехтомная «Кембриджская история “холодной войны”», представленная сквозь призму развернутой рецензии Л. Фридмана, опубликованной в “Форин Афферс” в 2010 г. В.Л. Мальков подчеркивает, что причастность этих историков к различным методологическим школам и национальным традициям историографии, выбор ими несопадающих систем координат для опытов реконструкции “холодной войны” на разных стадиях ее развертывания во времени, не мешает им приходиться к сопоставимым или перекликающимся выводам.

В заключение отметим, что строгое концептуальное единство, тематическая цельность, выверенная расстановка смысловых доминант и большой объем вводимых в научный оборот источников превращают рассматриваемый сборник в значительное явление в изучении многосторонней дипломатии “холодной войны”.

*В.Т. Юнгблюд,*  
доктор исторических наук, профессор,  
ректор Вятского государственного  
гуманитарного университета

## **В.В. Марьяна. ВТОРОЙ ПРЕЗИДЕНТ ЧЕХОСЛОВАКИИ ЭДВАРД БЕНЕШ: ПОЛИТИК И ЧЕЛОВЕК. 1884–1948. М.: Индрик, 2013, 488 с.**

Новая книга ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН д.и.н. В.В. Марьяной является первым в отечественной историографии монографическим исследованием, посвященным выдающемуся чешскому дипломату и политику Э. Бенешу. В монографиях и многочисленных статьях В.В. Марьяна неоднократно обращалась к анализу политических взглядов Бенеша, его дипломатической и политической деятельности.

Рецензируемая монография написана на основе материалов Архива Президента Рос-

сийской Федерации, Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, документов, опубликованных в России и Чешской Республике, отечественной и зарубежной литературы.

Автор отмечает, что у Э. Бенеша рано проявился интерес к политике. В гимназические годы он познакомился с литературой социалистической направленности и « всю жизнь считал себя социалистом, но социалистом “без догм” » (с. 26).